

Е.В. Корунова*

НЕЙТРАЛИТЕТ ИЛИ УЧАСТИЕ? ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В середине XX в. на севере Европы сложилась уникальная подсистема международных отношений, которая сделала этот регион одним из самых стабильных и мирных на протяжении всего периода «холодной войны». Сейчас, когда градус напряженности в региональных отношениях снова начинает возрастать, выступая проекцией общего роста конфликтности в современной мировой политике, обращение к урокам истории периода Второй мировой войны, а также ее кануна и первых послевоенных лет приобретает новую актуальность. В данной статье проводится комплексный анализ эволюции внешнеполитических концепций скандинавских стран по вопросам политики нейтралитета с середины 1930-х до конца 1940-х годов. В первой части рассмотрены их подходы к проблеме формирования системы коллективной безопасности в регионе в межвоенный период. В центре внимания находится шведский проект Северного оборонительного союза, согласно которому в качестве лучшей гарантии сохранения нейтралитета рассматривались упрочнение и углубление военной кооперации государств региона, их способности совместными усилиями сдерживать агрессию извне. Эта идея так и не была реализована, столкнувшись как с прохладной реакцией лидеров Норвегии и Дании, так и с подозрительным отношением ведущих мировых игроков. Ключевую роль, по мнению автора, сыграло то обстоятельство, что Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия в тот момент ориентировались на разные, противостоявшие друг другу великие державы. Во многом это же обстоятельство предопределило и судьбу скандинавских стран в годы войны, когда практически все они, оказавшись зажатыми в тисках двух сражавшихся блоков, были в той или иной форме втянуты в воронку мирового конфликта. Победа

* *Корунова Евгения Валерьевна* — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

антигитлеровской коалиции открыла перед государствами региона новые возможности, но и поставила новые проблемы: в процессе формирования биполярного мира они стремительно превращались в объект борьбы сверхдержав за сферы влияния и союзников на северном фланге европейской подсистемы. В этих условиях Швеция снова выступила с идеей о необходимости сохранения мира посредством отстаивания политики нейтралитета, воплощением которой стал проект Скандинавского оборонительного союза. В заключительной части статьи подробно рассмотрена реакция на этот проект как скандинавских стран, так и СССР, США и Великобритании. Показано, что, хотя реакция эта снова носила по меньшей мере настороженный характер, а сам проект так и остался нереализованным, инициативы Швеции способствовали формированию на севере Европы особой архитектуры безопасности. В ее основе лежало условное распределение ролей для каждого из государств региона, а на нейтральную Швецию ложились функции уравнивающей силы в этой уникальной системе эквиполюса.

Ключевые слова: Вторая мировая война, нейтралитет, скандинавские страны, Дания, Швеция, Норвегия, Северный оборонительный союз, Скандинавский оборонительный союз, декларация о нейтралитете, оборона, безопасность.

Внешняя политика стран Скандинавии всегда была тесно связана с понятием «нейтралитет». Вплоть до Второй мировой войны Швеция, Норвегия и Дания как в Европе, так и на международной арене в целом стремились дистанцироваться от конфликтов и войн для сохранения территориальной целостности и взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами. Свидетельством этого является долгая история неучастия скандинавских стран в вооруженных столкновениях, неоднократно возникавших на протяжении Нового времени.

Традиционно статус нейтралитета в этих государствах утверждался в результате принятия соответствующей декларации. В качестве превентивной меры на случай угрозы втягивания одного из них в войну принималось общее решение о заключении коллективного договора, в котором высказывалось намерение не участвовать в конфликте. Примером служат ранние декларации о нейтралитете, принятые современными скандинавскими странами в 1679, 1691, 1693, 1756, 1780, 1794, 1800 гг. и т.д. [подробнее см.: Neutrality, 1936: 161; Тиунов, 1968: 12–20].

Параллельно со скандинавским опытом неучастия в конфликтах и войнах вырабатывалась общая для всех государств система международного права, в которой нашлось место и дефиниции «нейтралитет».

тет». Так, с появлением системности в международных отношениях нейтралитет стал важным средством обеспечения безопасности, а нейтральные государства — своеобразными островами мира в море войны. К началу XX в. нейтралитет представлял собой устоявшееся в международно-правовой практике явление. Важным этапом в развитии института нейтралитета было, безусловно, подписание 5-й и 13-й Гаагских конвенций (1899, 1907), которые регулировали права и обязанности нейтральных государств на суше и на море в военное время¹. Впервые в практику вводился механизм четкого деления всех стран на две категории в случае войны: воюющие и нейтральные. Таким образом, во время военного конфликта нейтралы причислялись к особой категории участников международного процесса.

Именно с принятием указанных конвенций нейтралитет перестал восприниматься исключительно как субъективное понятие. Теперь нормы международного права требовали одинакового отношения и к воюющим сторонам, и к нейтралам [Karsh, 1988: 32]. На государства, которые выражали стремление остаться вне конфликта, распространялись общие правила независимо от типа их нейтралитета [подробнее о типах и видах нейтралитета см.: Прусаков, 1972: 12–28; Ганюшкин, 1958: 52–66]. В конвенциях были оговорены права и обязанности, вступающие в силу с начала войны в отношении не только постоянно нейтральных государств, таких как, например, Швейцария или Бельгия [Тиунов, 1968: 37–75], но и так называемых эвентуальных нейтралов², к которым относились скандинавские страны.

Для Швеции, Дании и Норвегии признание их права на нейтралитет послужило толчком к формированию устойчивой политической системы и успешному позиционированию на международной арене. В то же время положительный опыт предыдущих столетий и, главным образом, Первой мировой войны создал искаженное представление у ряда скандинавских политиков о прочности нейтрального статуса и эффективности деклараций. Часто игнорировался

¹ The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907: Accompanied by tables of signatures, ratifications and adhesions of the various powers, and texts of reservations / Ed. by J.B. Scott. Oxford, 1915. P. 133–139; 209–217.

² Эвентуальный нейтрал (от лат. «eventualis» — «случай», применительно к понятию «нейтралитет» — «случайный», «при определенных обстоятельствах») — государство, чье положение предполагает наличие прав и обязанностей нейтрала при наступлении войны. Действует либо до момента насильственного или добровольного вовлечения государства в войну, либо до официального завершения военного конфликта.

тот факт, что в годы Первой мировой войны, участия в которой странам Скандинавии удалось избежать, ни Германия, ни Россия, ни Англия не ставили перед собой задачу превращать их территорию в зону военных действий и тем более оккупировать ее. Нейтралитет североευропейских государств оставался нетронутым, зато велась серьезная борьба за их лояльность, потребовавшая от скандинавов к середине войны вернуться к строгому выполнению взятых на себя обязательств, прописанных в Декларации о нейтралитете 1912 г.³ и закрепленных Гаагскими конвенциями.

Неучастие скандинавских стран в Первой мировой войне привело к парадоксальному эффекту в их взаимоотношениях в межвоенный период. Позиции по вопросу внешнеполитической стратегии в случае нового мирового конфликта у правительств Швеции, Норвегии и Дании разошлись принципиально, а сами государства напоминали героев басни И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука».

В Дании, соседствующей с Германией, политики были изначально охвачены пораженческими настроениями и не стремились предпринимать действия, которые могли вызвать неодобрение со стороны немцев. В Норвегии, наоборот, мыслили утопическими идеями, уповая на помощь Великобритании. В Швеции придерживались более прагматичного подхода, который заключался в следовании политике нейтралитета, подкрепленной достаточной обороноспособностью всех видов войск.

Тематика, связанная с проблемами безопасности Скандинавии и Финляндии в межвоенный период и в годы Второй мировой войны, неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. При достаточно хорошей изученности вопросов участия Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии в региональной, европейской и мировой политике в 1930–1940-е годы в скандинавской историографии наблюдаются тенденции рассматривать историю этих государств в контексте региональных взаимоотношений или в рамках двух- или трехстороннего сотрудничества [Andrén, 1965, 1967, 1996; Carlgren, 1977; Haskel, 1976; Rådehed, 1985; Thulstrup, 1950; Zetterberg, 2012]. Скандинавские исследователи, как правило, не ставили перед собой задачу проанализировать ситуацию, сложившуюся в регионе в предвоенные десятилетия и в годы Второй мировой войны, как часть общей международной системы.

³ Deklarationer växlade med Danmark och Norge rörande likartade neutralitetsbestämmelser. Stockholm den 21 december 1912 // Statens internationella överenskommelser (SÖ) 1912. S. 11.

Несмотря на оккупацию Дании и Норвегии, война воспринималась как конфликт крупных держав, в который скандинавские страны и Финляндия были насильственно втянуты вопреки их воле. В этой связи в шведской историографии преобладают исследования, касающиеся политики нейтралитета и проблем безопасности в регионе [например: Linder, 2005; Lindholm, 1987; Ottosson, 2000; Wahlbäck, 1997; и др.]. В норвежской и датской научной литературе много внимания уделяется периоду оккупации и освобождению территории от германского военного присутствия, а также проблемам выбора стратегического курса во второй половине 1940-х годов [например: Danmark, Norden og NATO, 1991; Molin, Olesen, 1995; Noreen, 1994; Nøkleby, 2016; Sönstebj, 2015; и др.]. В Финляндии Вторая мировая война традиционно рассматривалась через призму советско-финских отношений [Мейндер, 2014; Manninen, 2004; Polvinen, 1986; и др.].

В отечественной историографии существует целый ряд работ, в которых отражена картина событий, происходивших в Скандинавии и Финляндии накануне и в период Второй мировой войны, а также в первые послевоенные годы [например: Барышников, 1989, 2006; Барышников, 2015, 2016; Веригин, 2016; Зарецкая, 2005, 2008; Комаров, 1999, 2003, 2009, 2011; Рупасов, 2014; Носков, 1977; Чернышева, 1980; и др.]. Огромный вклад в отечественную скандинавистику внес А.С. Кан, чей труд «История скандинавских стран» охватывает период с IX тыс. до н.э. вплоть до 1970-х годов. До сих пор историки-скандинависты обращаются к данной монографии, так как считают ее основополагающей в отечественной нордистике.

Начиная с 1990-х годов благодаря доступности скандинавских архивных материалов и рассекречиванию ряда отечественных документов появилась возможность по-новому взглянуть на комплекс проблем, связанных с вовлеченностью стран Скандинавии и Финляндии в процесс подготовки к войне в 1930-е годы, их стремлением отстаивать нейтралитет в годы конфликта, степенью участия в освобождении от нацистского бремени и причинами, обусловившими выбор внешнеполитического пути в годы биполяризации международных отношений.

Следует особо отметить два научных сборника, подготовленных по результатам международной конференции, посвященной 75-летию освобождения Советского Заполярья, Северной Норвегии и выхода Финляндии из Второй мировой войны [Заполярье 1944–1945, 2020], и круглого стола, которые состоялись осенью 2019 г. в Москве и Мурманске соответственно [Битва за Север, 2020]. Статьи сборников были подготовлены коллективом авторов из России, Норвегии, Шве-

ции и Финляндии. Основанные на архивных материалах и актуальных исследованиях работы раскрывают проблемы дипломатической и военной подготовки важнейших событий на севере Европы в годы войны, затрагивают малоизученные сюжеты, поднимают вопросы, связанные с исторической памятью, и содержат оценку имеющейся по данным темам историографии.

Данная статья посвящена комплексному анализу ситуации, сложившейся накануне и в годы Второй мировой войны в Скандинавии и обусловившей переформатирование общерегиональных подходов к внешнеполитической деятельности и положению скандинавских стран на международной арене во второй половине XX в. Сегодня, когда памятная дата 75-летия Победы держав антигитлеровской коалиции превратилась в повод для попыток пересмотреть итоги и содержание событий Второй мировой войны, а вся система мировой политики вступила в период качественной трансформации, обращение к этой теме приобретает особую актуальность. Анализ деятельности скандинавских акторов, являющихся, что немало важно, нашими близкими северными соседями, накануне, в годы войны и после ее завершения может быть полезен и сегодня, когда отношения России с ними весьма турбулентны и, как и тогда, во многом находятся на перепутье.

В статье используется комплекс российских и скандинавских источников (преимущественно на шведском языке)⁴, а также впервые в отечественной историографии привлекаются документы из базы данных Национального архива Великобритании («Secret Files from World Wars to Cold War»).

Скандинавское сотрудничество по вопросам безопасности: быть или не быть?

Кооперация скандинавских стран незадолго до начала Первой мировой войны и сохранение провозглашенного нейтралитета давали стимул правительствам северных государств развивать региональное сотрудничество и в последующие годы. Так, в середине 1930-х годов на волне отказа ряда стран от выполнения условий версальских договоренностей и по причине слабости Лиги Наций в решении

⁴ В архивах стран Скандинавии и Финляндии все дела, касающиеся общескандинавской политики, как правило, дублируются на языках тех государств, в архивах которых они находятся. Это позволяет получить доступ к ряду документов в любой из четырех стран. Например, в статье привлечены документы на шведском языке, касающиеся встреч министров иностранных дел Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии и хранящиеся в государственном архиве Швеции в Стокгольме.

международных конфликтов среди шведских политиков получила распространение идея кооперации с государствами Скандинавии и Финляндией для обеспечения безопасности в регионе Фенноскандии. Целью проекта, названного впоследствии Северным оборонительным союзом, было предотвратить использование территорий Балтийского и Северного морей в качестве театров военных действий и избежать превращения Северной Европы в военный плацдарм в случае вооруженного столкновения великих держав [подробнее см.: Корунова, 2011, 2019]. В основе лежал традиционный подход шведов к их собственной политике безопасности, заключавшийся в сохранении нейтралитета, в том числе благодаря способности государства сдерживать агрессию извне.

Шведское руководство при этом заручилось поддержкой своих северных коллег. Например, Дания и Норвегия в перспективе имели возможность блокировать проливы в Балтийском море, имевшем для нацистской Германии огромное значение, так как здесь укрывались основные силы ее флота, а согласованная стратегия Швеции и Норвегии, располагающихся на Скандинавском полуострове, который окружен обширными морскими акваториями (Балтийским морем с востока, Баренцевым морем, Северным Ледовитым океаном с севера и Норвежским морем с запада), позволяла обеспечить неприкосновенность их границ. Тем более шхерный характер побережья, сильная изрезанность береговой линии, глубокие узкие фьорды Норвегии и резко пересеченный рельеф, обилие лесов, болот, а также неразвитая дорожная сеть делали Скандинавский полуостров и так труднодоступной территорией для боевых действий [Носков, 1977: 20–21].

Тем не менее на пути формирования Северного оборонительного союза, конечной целью которого должно было стать неучастие скандинавских экс-нейтралов⁵ в войне, возникло множество преград. Объединению усилий в области обороны и безопасности не способствовали как внешние, так и внутренние факторы.

Дипломатические ведомства Дании и Норвегии высказывали опасения, что этот союз только своим созданием мог бросить вы-

⁵ Экс-нейтрал — государство, провозгласившее нейтралитет накануне войны, но вынужденное отказаться от продолжения политики нейтралитета ввиду агрессии со стороны другого государства или по собственному желанию. Понятие получило распространение после Первой мировой войны и применялось в отношении ряда бывших нейтралов, объединившихся в неофициальную группу в рамках Лиги Наций ради защиты прав нейтральных государств, положение которых ущемлялось отсутствием соответствующих статей в Уставе организации.

зов всему европейскому и международному сообществу, так как подобная внешнеполитическая деятельность малых стран в рамках сложившейся Версальской системы требовала согласия ведущих политических игроков, т.е. Великобритании и Франции⁶.

Больше всех созданию подобного альянса противились в Дании. Министр иностранных дел Петер Мунк полагал, что до тех пор, пока северные страны будут стоять на позициях нейтралитета, им ничего не угрожает, а военное сотрудничество не отвечает потребностям времени [История Дании, 1998: 109]. В своем убеждении он руководствовался опытом Первой мировой войны.

Главную задачу своей внешней политики с середины 1930-х годов наряду с сохранением нейтралитета датские государственные деятели видели прежде всего в поддержании добрососедских отношений с Германией путем проведения «чрезвычайно щепетильной нейтральной политики, подкрепленной тесными торговыми отношениями» [История Дании, 1998: 110].

Действительно, для Дании немецко-фашистская угроза была наиболее явственной. На юге страны нацистские представители немецкого нацменьшинства проводили активную антидатскую пропаганду, рассчитывая на воссоединение Северного Шлезвига с рейхом, а значит, на непризнание проведенного на этой территории после Первой мировой войны плебисцита, согласно которому 75% населения проголосовало за присоединение к Дании и лишь 25% — к Германии, а также решения Парижской мирной конференции, официально передавшей Северный Шлезвиг Дании [История Дании, 1998: 68].

В Копенгагене опасались, что в Германии отрицательно отнесутся к идее создания Северного оборонительного союза, поэтому еще в декабре 1934 г. премьер-министр Дании Торвальд Стаунинг публично заявил: положение в Скандинавии не может быть упрочено никакими военными объединениями или укреплениями. Затем на заседании Комитета сотрудничества социал-демократических партий и профсоюзов северных стран, проводившемся в ноябре 1936 г., он настойчиво подчеркивал, что «военный альянс между скандинавскими странами является утопией»⁷. Военные союзы и любые действия в этом направлении могли, как он полагал, вызвать

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 140. Оп. 20. П. 28. Д. 3. Л. 419; Ф. 140. Оп. 18. П. 26. Д. 6. Л. 152.

⁷ АВПРФ. Ф. 140. Оп. 20. П. 28. Д. 3. Л. 41.

подозрения у других участников мирового сообщества и настроить их скептически по отношению к нейтралитету, который желал сохранить датский народ⁸. Идея северного сотрудничества в той форме, которую предлагали правительства Швеции и Финляндии, датский премьер назвал невозможной. В 1937 г. для прекращения всех разговоров о гипотетическом объединении стран Скандинавии и Финляндии в Северный оборонительный союз Т. Стаунинг резко «обрубил», что его страна не собирается уподобляться «цепному псу», охраняющему северные пути⁹.

В отличие от датского правительства, норвежское руководство идею координированной деятельности северных стран в области обороны полностью не отвергало, но его готовность к сотрудничеству выражалась в намерении создать некий блок мирных государств, что позволило бы осуществлять мероприятия по изолированной охране нейтралитета в регионе. В мае 1935 г. министр иностранных дел Хальвдан Кут сделал следующее замечание: «Скандинавский блок — это укоренившееся заблуждение. Не существует никакого блока скандинавских стран. Имеется лишь налицо солидарность этих стран и их сотрудничество по вопросам европейской политики. С давних пор, едва ли не со времен мировой войны, министры северных стран съезжаются от случая к случаю для обмена мнениями и обсуждения актуальных вопросов международной политики»¹⁰. Фактически это означало отрицание какой-либо параллельной межгосударственной деятельности со странами Скандинавии и Финляндией вне конференций министров иностранных дел.

Так или иначе, попытка договориться с Норвегией относительно Северного оборонительного союза также не увенчалась успехом. После продолжительных переговоров между Осло и Стокгольмом было достигнуто только довольно ограниченное соглашение об обмене разведывательной информацией по линии военно-морского командования, а также принято решение об унификации ряда видов вооружения, снабжении и перевозках в случае европейской войны. Это, естественно, было крайне незначительным результатом

⁸ АВПРФ. Ф. 140. Оп. 18. П. 26. Д. 6. Л. 152.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 15. Д. 26. Л. 53.

¹⁰ Из записи беседы полномочного представителя в Норвегии И.С. Якубовича с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом 8 мая 1935 г. // Советско-норвежские отношения. 1917–1955: Сборник документов / Ред. комиссия: Чубарьян А.О., Ристе У., Комаров А.А. и др. М., 1997. С. 222.

с точки зрения организации военного объединения [Барышников, 2000: 19].

В итоге идея создания Северного оборонительного союза, целью которого было формирование системы коллективной безопасности в Балто-Скандинавском регионе, успехом не увенчалась [подробнее см.: Корунова, 2017, 2018, 2019]. Государства Скандинавии и Финляндия, что характерно для малых стран, не располагали должными средствами для обеспечения собственной безопасности и вследствие этого в большинстве случаев выступали объектами политики великих держав. Так и накануне Второй мировой войны каждая из четырех стран искала сильного покровителя. Именно ориентация Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии на разных, противостоявших друг другу крупных игроков и стала, как представляется, ключевым препятствием на пути развития их военно-политического сотрудничества.

На одной из регулярных встреч министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии, проводившейся в конце апреля 1937 г., глава шведского МИД Рикард Сандлер пытался убедить своего датского коллегу П. Мунка не доверять всецело Германии, СССР и даже Великобритании¹¹. Утверждение датского политика, что Берлин крайне заинтересован в сохранении спокойной обстановки в Балтийском море, Р. Сандлер резко раскритиковал и выразил обеспокоенность такой недалковидностью датчан. Согласно той информации, которой располагали шведские дипломаты, и немцы, и русские, и англичане проявляли глубокий интерес к северной Скандинавии¹².

Шведский министр указал на стремительный рост военного потенциала соседних Германии и СССР и, как следствие, угрозу, которая исходила от обоих государств. Он позволил себе дать прогноз возможного развития событий и описал сценарий, при котором в скором будущем, в частности, Аландские острова и Карелия могли стать территориями столкновения интересов Москвы и Берлина¹³. На все реплики своего датского коллеги, оптимистически заключавшего, что Германия и Англии еще не завершили стадию подготовки к войне, а значит, она в ближайшее время не начнется и Балтийское пространство останется безопасным для государств Севера, швед-

¹¹ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Anteckningar över förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Helsingfors den 20–22 april 1937. S. 3–4.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. S. 4.

ский министр отвечал, что это не должно стать поводом для прекращения совместной работы в области безопасности¹⁴.

Р. Сандлер утверждал, что самолеты-разведчики СССР, Германии и Англии давно изучают территорию Скандинавии¹⁵, однако Х. Кут опроверг факт шпионажа в отношении Норвегии. В случае с СССР он сослался на заверения советских коллег, с которыми у него состоялся разговор накануне поездки в Финляндию. Тогда на вопрос относительно непрекращавшихся слухов о появлении советских самолетов над севером Норвегии полпред И.С. Якубович назвал это провокацией, имевшей место всякий раз, когда в стортинге обсуждались вопросы обороны¹⁶. Х. Кут был склонен верить словам И.С. Якубовича, впрочем, как и аналогичным заверениям германского представителя в Осло¹⁷.

Неудачей закончились и попытки шведского руководства навязать Норвегии и Дании идею вооруженного нейтралитета. Иначе обстояло дело с декларацией о нейтралитете, в необходимости которой никто из государств — участников конференций министров иностранных дел не сомневался. Впрочем, обсуждение содержания этой декларации тоже заняло не один месяц.

На очередной встрече министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии, в начале апреля 1938 г., Р. Сандлер высказал мнение, что в сложившихся условиях правильнее не сходить с нейтралистской линии, поддерживая друг друга, как это было в годы Первой мировой войны, а также дополнительно зафиксировать общую позицию подписанием новой декларации о нейтралитете, подобной той, что была заключена в 1912 г. В ответ на это предложение П. Мунк парировал своему коллеге, приведя пример с Чехословакией. Он сравнил положение Дании на датско-германской границе в районе Южной Ютландии с ситуацией в Судетской области¹⁸. Действия немцев он назвал вполне предсказуемыми, и в этой связи

¹⁴ Ibid. S. 2–3.

¹⁵ Ibid. S. 4.

¹⁶ Из письма полномочного представителя СССР в Норвегии И.С. Якубовича заместителю народного комиссара иностранных дел СССР Н.Н. Крестинскому о беседе с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом о состоянии советско-норвежских отношений // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 262–263.

¹⁷ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Anteckningar över förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Helsingfors den 20–22 april 1937. S. 8.

¹⁸ Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinaviskt samarbete: Förhandlingarna vid det nordiska utrikesministermötet i Oslo den 5 och 6 april 1938. S. 4–5.

его волновал вопрос, окажут ли Дании поддержку северные страны в случае, если ее отношения с Германией ухудшатся¹⁹. В этом контексте слово «нейтралитет» не внушало П. Мунку оптимизма, хотя принципиально он был согласен с коллегой из Швеции, что желательно закрепить намерение скандинавских стран быть не вовлеченными в какие-либо конфликты подписанием новой декларации²⁰.

Документ увидел свет за год с небольшим до начала Второй мировой войны, 27 мая 1938 г.²¹ По сути, он повторял содержание декларации 1912 г., ориентиром для которой стали Гаагские конвенции. Этот факт не получил широкого освещения в скандинавской прессе и померк на фоне других событий, происходивших в Европе. Редкие статьи не на первых полосах указывали на второстепенность данного вопроса в условиях нарастания конфликтного потенциала в мире²². Таким образом, все последовавшие европейские события, имевшие судьбоносное значение для Скандинавии и Финляндии, подтвердили, что декларации отводилась роль ни от чего не защищавшей ширмы.

Схватка за Скандинавию

Тем временем становилось ясно, что страны Скандинавии займут особое место в предстоявшей схватке государств. Практически за год до развязывания войны в советской региональной газете «Полярная правда» вышла статья под заголовком «Планы германского фашизма в Скандинавии». В статье главным образом осуждалась настойчивость Берлина в попытках обеспечить себя продовольствием и стратегическим сырьем за счет скандинавских государств: «С исключительной наглостью она [Германия. — *Е.К.*] <...> стремится в страны Скандинавии, рассчитывая получать из Дании сметану, овощи и мясо, из Швеции — руду, а из Финляндии — древесину. Гитлер не без основания считает скандинавские страны важнейшим экономическим, но и стратегическим плацдармом для осуществления своих захватнических планов»²³.

Вместе с тем автор статьи подчеркнул, что интерес к Северной Европе проявляли не только немцы. В последнее время, писал он, «Скандинавия стала ареной преимущественно английского влия-

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. S. 5.

²¹ Declaration med Danmark, Finland, Island och Norge angående likartade neutralitetsbestämmelser // Statens internationella överenskommelser (SÖ) 1938. S. 17.

²² См., например: Neutralitetsreglerna för Norden renoveras // Svenska Dagbladet. 28.05.1938.

²³ Полярная правда. 06.06.1938.

ния», свидетельством чего было усиление напряжения в борьбе за скандинавский рынок между Лондоном и Берлином²⁴.

Масла в огонь добавляла продолжавшаяся советско-финляндская война, вызывавшая серьезные опасения, главным образом у шведов, которые полагали, что следующим шагом могло стать нападение Советского Союза на нейтральную Швецию. Московский мирный договор, ознаменовавший завершение «зимней войны», был подписан только 12 марта 1940 г. К тому времени Вторая мировая война была уже в полном разгаре. Жесткие условия перемирия, которые были выдвинуты советским руководством, рассматривались в Финляндии как диктат. Ее правительство стало еще активнее искать поддержку на Западе с целью добиться корректировки условий договора [Барышников, 1989: 336–368]. Новые императивы изменили геополитическую картину в Северной Европе, сделав положение скандинавских стран еще более шатким. Ситуация вокруг Дании и Норвегии резко накалилась.

При этом к моменту начала Второй мировой войны тяжелое стратегическое положение Дании представлялось вполне очевидным. Опасения датских политиков были небезосновательны: Германия своими действиями транслировала идею, что Дания — зона исключительно немецких интересов. Это в свою очередь укрепляло в сознании датчан уверенность, что защищать их территорию никто не станет.

Буквально за месяц до вторжения армии вермахта в Данию и Норвегию на встрече министров иностранных дел стран Скандинавии и Финляндии в Копенгагене политики северных государств еще раз выразили солидарность по поводу объявленного нейтралитета²⁵, однако благовидные декларации шли вразрез с их реальными действиями. Это разобщение было очевидно как самим скандинавам, так и великим державам.

Помимо действий Германии тревогу вызывал жесткий тон СССР и Великобритании, которые намеревались разорвать торговые нити, связывавшие Третий рейх с источниками сырья. Так, во время встречи министров иностранных дел скандинавских стран было озвучено мнение английского правительства, выражавшего обеспокоенность действиями Швеции, у которой сохранялись тесные торгово-экономические контакты с Германией²⁶.

²⁴ Там же.

²⁵ Kommunique genom T.T. 25 februari 1940 // Förspelet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. Stockholm, 1947. S. 98.

²⁶ Ibidem.

Действительно, по мере вовлечения стран Скандинавии в воронку войны актуализировался вопрос о поставках железной руды из Швеции в Германию. Так как Ботнический залив в зимние месяцы покрывался льдом, менялся и маршрут доставки ценного сырья для гитлеровской военной машины. В таком случае роль транзитной страны могла взять на себя нейтральная Норвегия. Железнодорожный путь из шведского г. Лулео в норвежский порт г. Нарвик составлял порядка 380 км. Оттуда железная руда по Северному морю с заходом в территориальные воды Норвегии благополучно достигала контролируемых немецким флотом проливов Каттегат и Скагеррак и оказывалась в Германии. Об этом стратегически важном коридоре У. Черчилль высказывался следующим образом: «Примириться с наличием такого коридора значило допустить, <...> чтобы под прикрытием нейтралитета весь этот грузопоток шел беспрепятственно. Военно-морской штаб был сильно обеспокоен этим важным преимуществом, которое предоставлялось Германии, и я при первой возможности поднял этот вопрос перед кабинетом»²⁷.

В начале апреля 1940 г. Великобритания подготовила ноты шведскому и норвежскому правительствам, цель которых была указать нейтралам на имевшиеся явные нарушения обязательств по соблюдению нейтралитета. Это в свою очередь могло послужить предлогом для осуществления британским военным руководством операции-провокации под кодовым названием «Уилфред» [Lunde, 2009: 34]. Ее суть заключалась в минировании участка в территориальных водах Норвегии. Как предполагалось, это спровоцирует гитлеровскую Германию на активные военные выступления в регионе, что позволит британским военным опередить армию вермахта и занять Нарвик, Тронхейм, Берген и Ставангер, оправдывая свои действия защитой нейтральной Норвегии от агрессора. Всё указывало на то, что Норвегия фактически оказалась в тисках двух мощных противников: Англии и Германии [Häikiö, 1983: 59–61]. Четкое осознание великими державами, какие преимущества влечет обладание норвежской территорией, не оставляло ее правительству практически ни единого шанса сохранить нейтралитет и суверенитет.

Свой план по мирному заграждению территориальных вод Норвегии в районе Нарвика англичане осуществили в первых числах апреля 1940 г., о чем незамедлительно уведомили дипломатической нотой норвежское правительство [Scandinavia during the Second World War, 1983: 92]. На вопрос, какие цели ставили перед

²⁷Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 1. Т. 1. М., 1991. С. 249.

собой англичане этой акцией, ответ был закономерный: нарушить германскую торговлю в нейтральных водах, «отрезать германский экспорт из Нарвика», не дать совершиться гитлеровской операции по нападению на Скандинавию²⁸. Такое развитие событий фактически предопределило ход дальнейшей войны в Скандинавии.

Действия Великобритании были использованы нацистской Германией для оправдания собственной агрессии в регионе. Вторжение гитлеровских войск в Данию и Норвегию («Везерубунг» (нем. «Weserubung»), или «Учения на Везере») началось в ночь с 8 на 9 апреля 1940 г. Германское командование проигнорировало коллективное заявление скандинавских стран и Финляндии о нейтралитете, а также нарушило датско-германский пакт о ненападении, подписанный накануне войны, в мае 1939 г. [Корунова, 2020: 111].

Как доносил в шифротелеграмме нарком судостроительной промышленности СССР И. Тевосян, во время его беседы с рейхсмаршалом Германии Г. Герингом последний утверждал, что, по данным немецкой разведки, англичане планировали вторгнуться на территорию Норвегии. Германия же, якобы руководствуясь намерением защитить нейтрала, предотвратила его захват, опередив Англию всего на 8 часов. В качестве доказательства предоставлялась информация о нахождении на территории нейтрального государства пяти английских транспортов с оружием²⁹.

Из беседы В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом явствует, что советская сторона приняла объяснения германского правительства и, со слов советского наркома иностранных дел, посчитала их убедительными, «так как, видимо, Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании» и «действительно готовилась к занятию побережья»³⁰.

Незадолго до начала военного вторжения вермахта в Скандинавию через немецкого дипломата Сесия фон Ренте-Финка П. Мунку были переданы два документа. Один из них — ультиматум, содержащий 13 пунктов с требованиями о капитуляции и неоказании сопротивления немецким вооруженным силам. Таким образом, правительству Т. Стаунинга предписывалось беспрепятственно

²⁸ Там же. С. 267.

²⁹ Шифротелеграмма И. Тевосяна И. Сталину, В. Молотову, К. Ворошилову, А. Микояну от 12 апреля 1940 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР–Германия: 1933–1941 / Ред. С.В. Кудряшов, Б. Бонвеч. М., 2009. С. 290–291.

³⁰ Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом о германском вторжении в Норвегию и Данию. 9 апреля 1940 г. // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. С. 294.

пропустить нацистские войска через территорию Дании в обмен на сохранение целостности и политической независимости королевства. Помимо этого ряд пунктов касались вопросов создания благоприятных экономических условий для германской экономики и контроля над местными СМИ³¹. Вторым документом представлял собой меморандум с разъяснением причин, побудивших гитлеровское командование занять территории нейтральных государств.

В день нападения на две скандинавские страны шведский министр иностранных дел Кристиан Гюнтер получил ноту от немецкого посланника в Стокгольме Виктора цу Вида с требованием воздержаться от каких-либо мер, направленных на срыв планов Германии по оккупации Дании и Норвегии. Шведским властям было настоятельно рекомендовано сохранять строжайший нейтралитет, в отношении которого, подчеркивалось, правительство Германии выражало свое глубокое уважение. Берлин указывал, что шведским вооруженным силам не следовало появляться за пределами своих территориальных вод в районе проливов Каттегат и Зунд, а также вдоль всего южного побережья вплоть до г. Карлскруна до особого распоряжения.

Кроме того, в германской ноте высказывались намерения использовать Швецию в качестве транзитной территории для телеграфного и телефонного сообщения между Германией и оккупированной Норвегией и сохранить экспорт шведской руды в Третий рейх³².

В ответе на ноту германского правительства шведский МИД напомнил, что Стокгольм неоднократно заявлял о своей нейтральной позиции с момента начала войны и в дальнейшем не планировал отказываться от провозглашенного статуса. Более того, чтобы и в дальнейшем сохранять строгий нейтралитет, Швеции требовалась свобода действий для его охраны. При этом шведское правительство заявляло, что не намерено предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы вызвать конфликт между двумя государствами³³.

Важно отметить: четырьмя днями раньше скандинавские страны были уведомлены британским МИД, что любое двустороннее соглашение с Берлином будет рассматриваться как недружественный акт, а формирование скандинавского политического союза в целях

³¹ Kommunique genom T.T. 25 februari 1940 // Förspelet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. S. 97–98.

³² Note från tyska beskickningen 9 april 1940 // Handlingen rörande Sveriges politik under andra världskriget. Transiteringsfrågor sammanhängande spörsmål april–juni 1940. Stockholm, 1947. S. 3, 4.

³³ Ibidem.

сотрудничества для получения какой-либо помощи от нацистов — как прямая угроза государствам, находящимся в положении войны с Германией³⁴. Ситуация, в которую попали скандинавские страны, казалась безвыходной.

При всей строгости тона ноты британского МИД в документе подчеркивалось благожелательное отношение к нейтралам, чей торговый флот нес потери по вине немецких подводных лодок, мин и авиации. Подчеркивалось, что англичане не собираются уподобляться немцам в их нечестной борьбе за Скандинавию³⁵. Могло сложиться впечатление, что для того чтобы остановить войну, скандинавским странам было достаточно вернуться к строгому нейтралитету, однако это было не так: войну в Скандинавии уже ничем остановить было нельзя.

Таким образом, наметившееся сотрудничество государств Скандинавии и Финляндии в предвоенные годы было разрушено поочередным втягиванием каждой из стран в глобальный конфликт. Единственная сохранявшая нейтралитет Швеция также испытывала сильное давление гитлеровской Германии, что ограничивало ее возможности для политических маневров [подробнее см.: Andreen, 1972; Karlsson, 1974: 17–52].

Послевоенная судьба Скандинавии

Ситуация на Севере Европы начала меняться только после коренного перелома во Второй мировой войне, когда стало очевидно, что силы вермахта ослабевают. Это обеспечило возможность сотрудничества малых стран с союзниками по антигитлеровской коалиции, которые направили свои усилия на освобождение Севера от гитлеровских захватчиков [подробнее см.: Корунова, 2020].

Вместе с тем в конце войны проявилась эрозия антигитлеровской коалиции, потребовавшая от стран Скандинавии и Финляндии мобилизации всех их дипломатических умений и возможностей. Так как в процессе формирования биполярного мира эти государства продолжали играть существенную роль, активизировалась и борьба бывших союзников за сферы влияния на северном фланге европейской подсистемы.

Короткий период с 1945 по 1948 г. стал для четырех стран Северной Европы моментом определения их внешнеполитического курса

³⁴Note från brittiska beskickningen 5 april 1940 // Handlingar rörande Sveriges politik under andra världskriget. Förspellet till det tyske angreppet på Danmark och Norge den 9 april 1940. S. 235–236.

³⁵Ibidem.

на долгие десятилетия вперед. Это был совершенно новый опыт, включавший и многообещающую политику «наведения мостов»³⁶ [Noreen, 1994; Holtmark, 1999], и попытки реализации идеи региональной системы безопасности, и обсуждение проблемы нейтралитета, и многое-многое другое. Складывавшаяся новая биполярная система международных отношений в итоге потребовала от каждого из скандинавских государств и Финляндии сделать свой выбор, который мог гарантировать им безопасность в будущем.

Результатом стало формирование на территории Скандинавии и Финляндии нового баланса сил, в основе которого лежали три типа политики безопасности в одном регионе. И Швеции выпала роль уравнивающей силы в этой уникальной системе эквилибриума.

Сразу после завершения Второй мировой войны Швеция выступила с инициативой создания Скандинавского оборонительного союза. Идея была высказана шведским руководством на встрече Комитета северного сотрудничества 13–14 июля 1945 г. в Стокгольме [Rådehed, 1985: 3]. В основе нового предложения по кооперации в области обороны и безопасности лежала сформулированная шведским министром иностранных дел Эстеном Унденом идея сохранения мира посредством отстаивания политики нейтралитета. При этом он видел важным участие в данном проекте соседних Дании, Норвегии и Финляндии³⁷.

Шведские политики действительно активно вовлекали Финляндию в обсуждение Скандинавского оборонительного союза. Так, в марте 1947 г. шведский премьер-министр Таге Эрландер посетил Хельсинки с неофициальным визитом для переговоров о возможности подобного объединения. Однако в ходе беседы президент Финляндии Юхо Кусти Паасикиви выразил намерение его страны воздержаться от участия в готовившейся в апреле встрече министров иностранных дел государств Северной Европы. Он назвал это необходимой мерой предосторожности, объяснив, что СССР воспринимал данную инициативу как недружественную [Rentola, 2018: 36]. В дальнейшем Финляндия участия в переговорах, касавшихся Скандинавского оборонительного союза, не принимала.

³⁶ Политика «наведения мостов» (с норв. «brobyggingspolitikken») — послевоенная политика Норвегии, основанная на стремлении стать связующим звеном между СССР и Атлантическими державами и иметь доверительные отношения с Советским Союзом, с которым у Норвегии после подписания Московского перемирия (19 сентября 1944 г.) появилась общая граница.

³⁷ Riksdagens protokoll den 4 februari 1948. № 5. Första Kammaren. S. 12.

Советское руководство идею подобной кооперации действительно воспринимало с подозрением. Шведская инициатива подверглась критике советских дипломатов задолго до проведения официальных встреч на высшем уровне для обсуждения планов создания регионального военно-политического союза.

Так, советский дипломат А.М. Александров-Агентов, работавший в 1942–1947 гг. в миссии СССР в Швеции, в своих воспоминаниях называл проект Скандинавского оборонительного союза северным отражением «холодной войны». Ссылаясь на целый комплекс имевшихся в его распоряжении данных, он убежденно заявлял, что «Скандинавский блок, каким бы нейтральным ни изображали его творцы, будет не чем иным, как северным филиалом антисоветского западного блока»³⁸. На это указывал и заведующий V отделом Народного комиссариата иностранных дел А.Н. Абрамов, когда в марте 1946 г. писал члену коллегии МИД СССР К.В. Новикову о том, что «усилившаяся <...> работа» англичан и американцев в Швеции стала восприниматься как попытка превратить страну в «военный плацдарм в будущей войне» [цит. по: Комаров, Коробочкин, 2019: 353].

Безусловно, нельзя было отрицать тот факт, что в Великобритании и США с большим вниманием следили за ситуацией в Скандинавии. Идея кооперации и создания регионального оборонительного союза вызывала в Лондоне не меньше беспокойства, чем в Москве. На одной из встреч комитета британской разведки в ноябре 1947 г. обсуждались основные вопросы, которые следовало задать руководителям шведских военных ведомств, предложивших инициативу формирования Скандинавского оборонительного союза. Основной целью англичан было убедить скандинавов в хрупкости объединения малых стран перед реальной угрозой и уговорить их сотрудничать с западными структурами. Подготовленные вопросы включали три аспекта: отношение скандинавов к возможной поддержке со стороны Великобритании и США, проблема выпуска оборудования по единому стандарту, перспективы переговоров начальников штабов скандинавских стран между собой и с западными партнерами³⁹.

³⁸ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. С. 49–50.

³⁹ CAB 159/2. Ministry of Defence and Cabinet Office: Central Intelligence Machinery: Joint Intelligence Sub-Committee Later Committee: Minutes (JIC Series), 1947–1968: Minutes of the eighteenth Meeting of the Sub-Committee, 19.11.1947 // The National Archives (далее — TNA). Available at: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab159/0002/022> (accessed: 10.04.2020).

В США и вовсе не видели смысла в продолжении скандинавской политики нейтралитета. Целесообразным американской администрации представлялось вовлечение государств Северной Европы в западные структуры, которые могли обеспечить малым странам необходимый уровень безопасности. Так, в меморандуме министра обороны США Кларка Клиффорда президенту Гарри Трумэну было рекомендовано через дипломатические каналы сообщить Норвегии, Швеции, Дании и Исландии о готовности подписать с ними соглашение в целях объединения усилий западноевропейских и североамериканских государств для коллективной обороны⁴⁰. И от датского, и от норвежского правительств в целом был получен положительный отклик. В отношении Швеции, которая настойчиво пыталась держаться в стороне от союзов и вести самостоятельную линию, американская администрация высказывалась скептически, называя шведскую политику наивной, а ее сторонников — склонными к самообману [Рупасов, Самуэльсон, 2014: 91].

В Стокгольме были взволнованы перспективой втягивания скандинавских стран в военный союз и провала политики нейтралитета. Особую обеспокоенность вызывало недоверие великих держав к стремлению шведов оставаться на позициях государства, не участвующего в блоках и союзах. На протяжении всего 1947 г. шведский МИД испытывал давление со стороны американской администрации, которая через своего посла Фримена Метьюза продолжала склонять шведское руководство к отказу от нейтралитета [Sverige inför en ny världsordning, 1945–50, 1995: 13].

Точки над «и» расставила известная речь британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина, произнесенная им в палате общин в январе 1948 г. Он подверг резкой критике действия Советского Союза на внешнеполитической арене и призвал к объединению европейских стран против коммунистической угрозы. Реакцией шведского правительства стала речь Э. Ундена перед депутатами риксдага. Глава МИД подчеркнул, что Швеция не желает лишать себя права и возможности оставаться вне новой войны⁴¹. Фактически это означало, что страна не намеревалась присоединиться ни к од-

⁴⁰ The Development of the North Atlantic Treaty Organization (NATO): Memo, Clark Clifford to Harry S. Truman. // Harry S. Truman National Archives. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/memo-clark-clifford-harry-s-truman-1> (accessed: 10.04.2020).

⁴¹ Undén Ö. Sveriges utrikespolitik. Tal i riksdagen den 4 februari 1948. Stockholm, 1948.

ному из формировавшихся блоков и рассчитывала вновь разыграть карту вооруженного нейтралитета.

На протяжении всего 1948 г. шведские дипломаты вели активные переговоры с норвежцами и датчанами по вопросу о сотрудничестве, однако практически с первых шагов натолкнулись на скептическое отношение политиков в обоих государствах. На майской встрече шведского министра иностранных дел с норвежским премьер-министром Эйнарсом Герхардсеном в г. Осло последний высказался категорически против вооруженного союза между скандинавскими государствами, аргументировав это слабостью малых стран. Он подчеркнул, что Скандинавский оборонительный союз неизбежно привел бы к зависимости от помощи более сильных государств, и добавил, что его страна больше никогда не намерена следовать изолированному нейтралитету [Bring, 2008: 219].

8–9 сентября 1948 г. состоялась встреча министров иностранных дел трех скандинавских государств в Стокгольме [Hirschfeldt, 1949: 20–23]. Шведский МИД снова выступил с инициативой обсуждения перспектив коллективной деятельности в области безопасности. Всего месяц спустя был дан старт работе совместного комитета с участием трех стран, целью которого было проанализировать перспективы военного сотрудничества⁴². Однако с самого начала обнаружились непреодолимые разногласия. Взаимопонимания не было ни по форме, ни по содержанию данного объединения. У сторон не имелось единого мнения, должен ли это быть союз в полном его понимании, на чем настаивали шведы, или достаточно выработать механизм координации совместных действий в рамках отдельного соглашения в области обороны, подобно тем, что заключались накануне Первой и Второй мировых войн.

Различалось и видение конечной цели оборонительного союза. В то время как для шведов он служил гарантией их нейтралитета в случае войны, для датчан и норвежцев, наоборот, представлялся совершенно бесполезным предприятием без привлечения стран Запада [Molin, Olesen, 1995: 62].

За процессом переговоров пристально наблюдали бывшие союзники по антигитлеровской коалиции. В начале ноября 1948 г. Комиссия Объединенного разведывательного комитета Великобри-

⁴² Bilaga 4: Den skandinaviska försvarskommittén // Om kriget kommit... Förberedelse för mottagande av militärt bistånd 1949–1969. Bilagor. Statens offentliga utredningar (SOU) 1994:11. Stadsrådsberedningen. Betänkande av Neutralitetspolitikkommissionen. Stockholm, 1994. S. 37.

тании во главе с Уильямом Хейтером подготовила доклад в целях передачи его норвежской стороне для ознакомления и принятия к сведению содержащейся в нем важной информации с последующим рассмотрением и обсуждением в Министерстве обороны Норвегии и в правительстве. В документе отмечалась высокая вероятность скорой кампании русских против западных государств. Скандинавия, по мнению его составителей, не была главной целью СССР, но они подчеркивали, что в стороне ей остаться всё равно не удастся⁴³. В случае нападения на страны Скандинавии Советский Союз будет стремиться к контролю над выходами из Балтийского моря и к захвату военно-морских и воздушных баз.

Основными маршрутами продвижения советских войск, по мнению британских разведчиков, должны были стать не северные территории из-за суровых климатических условий и слабо развитой в регионе дорожной инфраструктуры, а юг Швеции, датские острова и полуостров Ютландия. Нападение на Швецию, по мнению британских военных, было легко осуществить с датского о. Зеландия с задействованием семи сухопутных и одной морской дивизий, 15 авиационных полков с 560 самолетами тактической авиации. Наступление на Осло и Стокгольм должно было стать следующим этапом продвижения советских войск в Скандинавии: три дивизии были бы направлены в шведскую столицу и четыре — в норвежскую. Для взятия Стокгольма советское командование могло привлечь дополнительно одну морскую дивизию ВМС. Предполагалось также, что часть советских войск после этого осталась бы в южной Швеции для контроля ситуации.

Крайне важно для русских, как отмечалось в докладе, было захватить железорудные районы Швеции и порты Северной Норвегии, и для реализации этих планов советское Министерство обороны затратит максимум сил. Главными целями должны были стать города Нарвик и Лулео и железная дорога, соединявшая их, — объекты, продемонстрировавшие свое стратегическое значение в годы Второй мировой войны⁴⁴.

Дальше в докладе подробно описывалось, какими средствами и способами можно было оказать сопротивление гипотетической

⁴³ CAB 158/5. Ministry of Defence and Cabinet Office: Central Intelligence Machinery: Joint Intelligence Sub-Committee later Committee: Memoranda (JIC Series), 1946–1968. Scandinavian Defence. Report by the Joint Intelligence Committee, 04.11.1948 // TNA. Available at: <http://www.secretintelligencefiles.com/Content/swwf.cab158/0005/013> (accessed: 10.04.2020).

⁴⁴ Ibidem.

советской агрессии, с перечислением количества дивизий и единиц военной техники, необходимых для сдерживания атак на указанных выше территориях в Скандинавии. Расчеты производились, исходя из ситуации отсутствия взаимодействия между Данией, Швецией и Норвегией, т.е. пребывания их в положении так называемой изоляции.

Вывод, к которому пришли авторы доклада, заключался в невозможности скандинавских государств обеспечить необходимую обороноспособность в одиночку в случае нападения СССР. Эксперты указывали, что скандинавы нуждаются в материальной помощи в мирное время и вооруженной поддержке, чтобы сдерживать войну в Скандинавии в случае ее начала⁴⁵.

Давление западных партнеров и разочарование в политике «наведения мостов» уверили датских и в еще большей степени норвежских политиков в том, что их странам не удастся осуществить в будущем какие-либо военные программы без одобрения и согласия ведущих держав. С самого начала оба государства настаивали на тесном взаимодействии с Западом. В диалоге со шведскими коллегами они подчеркивали, что оборонительный союз, состоящий из малых стран, не способен решить насущную проблему быстрого перевооружения его членов и не может обеспечить необходимую взаимную материальную поддержку в случае нападения более сильного соперника [Skodvin, 1971: 31]. Шведский подход, который представлял собой попытку усидеть на двух стульях сразу, совмещающая политику нейтралитета с практикой тесного взаимодействия с западными партнерами, не подходил ни Норвегии, ни Дании ввиду их геополитического положения. В этой связи в Копенгагене и Осло очень быстро отказались от бесплодных переговоров со шведами в пользу перспективного диалога с Западом.

В итоге, несмотря на разницу в мотивах великих держав, в отношении Скандинавского оборонительного союза, как это ни парадоксально, их взгляды совпадали. Ни в СССР, ни в Великобритании, ни в США не видели смысла в военно-политической конструкции, усложнявшей и без того накалившуюся до предела ситуацию в мире. Западным державам было куда выгоднее участие малых стран Северной Европы в Атлантическом пакте.

В начале 1949 г. скандинавским странам было предложено присоединиться к Североатлантическому договору. Спустя некоторое время данный вопрос был внесен в повестку дня съезда Народной партии Норвегии, который состоялся 17–20 февраля 1949 г. в Осло.

⁴⁵ Ibidem.

В результате большинство членов партии (329 против 35) проголосовали за вступление в НАТО⁴⁶.

Как рассказывал впоследствии шведский премьер-министр Т. Эрландер, его страну обвиняли в эгоизме и стремлении навязать свои интересы братским скандинавским государствам. Норвежский министр иностранных дел Хальвард Ланге, со слов Т. Эрландера, утверждал, что Осло, в отличие от Стокгольма, наблюдает за происходящим в мире, и в тот момент «ветер дул в паруса» в направлении НАТО, так как в Норвегии остро ощущали угрозу со стороны коммунистической России [Harrison, 2017: 223].

Встреча представителей трех скандинавских государств в Карлстаде 5–6 января 1949 г. продемонстрировала, что в Норвегии достаточно серьезно рассматривали вариант подписания Североатлантического пакта и находились в тесном контакте с американской администрацией [Wahlbäck, 2000: 38]. На очередной встрече спустя три недели разногласия норвежской и шведской сторон подтвердились. И уже на переговорах, состоявшихся 22 января в Осло, ни у кого не было сомнений, что от шведского предложения как Дания, так и Норвегия откажутся.

Завершивший свою работу в январе 1949 г. специальный комитет по проблемам межскандинавского сотрудничества постановил, что для обеспечения безопасности в регионе скандинавским государствам недостаточно объединить свои усилия в области обороны: им необходимо укреплять партнерские отношения с Западом. Причиной такого заключения стала убежденность (главным образом норвежцев и датчан) в угрозе, исходившей для них со стороны Советского Союза⁴⁷. В этом же месяце норвежское правительство официально озвучило намерение присоединиться к Североатлантическому пакту. Его примеру последовала и Дания.

После вхождения этих стран в альянс в США и Великобритании согласились с особым положением Швеции, так как не видели в нем стремления сблизиться с СССР. В сложившихся условиях советское руководство вынуждено было изменить свое отношение к шведской политике неучастия в союзах. Министерство иностранных дел СССР стало придерживаться более взвешенного курса, сменив критику шведского нейтралитета на поддержку выбранного пути [Komarov, 2018: 84].

⁴⁶ Landsmøtet 1949 protokoll over forhandlingene på det 33. ordinære landsmøte 17–20 Februar 1949 i Oslo. Oslo, 1950. S. 189.

⁴⁷ Bilaga 4: Den skandinaviska försvarskommittén // Om kriget kommit... Förberedelse för mottagande av militärt bistånd 1949–1969. S. 75–79.

Таким образом, к концу 1940-х годов на Севере Европы возникла сложная конфигурация безопасности. Система северного баланса [Noreen, 1983: 44–51] базировалась на условном делении стран Скандинавии и Финляндии на три части, статус-кво в регионе обеспечивался четким распределением ролей для каждого из государств. Первым элементом этой североευропейской подсистемы биполярного порядка стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР, подписанный в апреле 1948 г. В государствах Запада, в том числе в соседних скандинавских странах, этот шаг навстречу друг другу недавно воевавших государств был воспринят как переход Финляндии в сферу интересов СССР. Последовавшее спустя некоторое время подписание правительствами Норвегии, Дании и Исландии Североатлантического пакта завершило деление региона на две части.

В сложившихся условиях создание нейтральной зоны было необходимо для функционирования системы. Великие державы не стали чинить препятствия стремлению шведского руководства занять позицию нейтрального буфера. С этого момента на плечи шведского МИД ложилась сложная задача при явных симпатиях к странам западной демократии и антипатии к советской власти выработать сбалансированный подход во взаимоотношениях с обоими лагерями. Шведским политикам удалось выработать новую концепцию, получившую формулировку «свобода от союзов в мирное время для сохранения нейтралитета в период войны»⁴⁸, которая вполне укладывалась в новые реалии международной политики. Благодаря созданной архитектуре безопасности регион оставался одним из самых спокойных на протяжении длительного периода «холодной войны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барышников В.Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 года и его значение (по материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. Вып. 16. СПб., 2016. С. 140–156.

2. Барышников В.Н. К вопросу об объективности выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне Германии в 1944 г.: экономический аспект // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2015. № 16. С. 73–87.

⁴⁸ Эта формулировка принадлежит шведскому министру иностранных дел Э. Ундену и стала широко применяться в годы «холодной войны».

3. Барышников В.Н. О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2000. Вып. 2. С. 18–29.
4. Барышников Н.И. Поворот в политике Финляндии в отношении СССР в 1944–1948 гг. // Скандинавские чтения 2004 года. СПб.: Кунсткамера, 2006. С. 172–175.
5. Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989.
6. Битва за Север. 1944–1945 / Отв. ред. В.В. Ищенко. М.: РОССПЭН, 2020.
7. Веригин С.Г. Советско-финляндские дискуссии по вопросу демаркации границы по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 130–139.
8. Вехвилайнен О. Мир или перемирие? // Зимняя война 1939–1940. Книга первая. Политическая история. М.: Наука, 1999. С. 362–374.
9. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2020.
10. Ганюшкин Б.В. Современный нейтралитет. М., 1958.
11. Заполярье 1944–1945. Война, повседневность, память / Отв. ред. А.А. Комаров. М., 2020.
12. Зарецкая О.В. Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции (1945–2000 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008.
13. Зарецкая О.В. Создание Северного оборонительного союза: норвежская и шведская политика в конце 40-х годов XX века // Скандинавские чтения 2005 года. СПб., 2005. С. 81–87.
14. История Дании / Отв. ред. Ю.В. Кудрина, В.В. Рогинский. М.: Наука, 1998.
15. Кен О.Н., Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы в 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2005.
16. Комаров А.А. Окончание Второй мировой войны и советские интересы в Финляндии и Норвегии (1944–1947) // Северная Европа и Норвегия: проблемы истории. 1999. Вып. 3. С. 220–232.
17. Комаров А.А. Северная Норвегия в советской внешней политике // Северная Европа: проблемы истории. 2011. Вып. 7. С. 196–206.
18. Комаров А.А. Советско-финляндские отношения в 1944–1948 гг. // Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009. Материалы Международной российской-финляндской научной конференции (19–22.10.2009). Петрозаводск, 2009. С. 70–81.
19. Комаров А.А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948–1949) // Северная Европа: проблемы истории. 2003. Вып. 4. С. 90–105.
20. Комаров А.А., Коробочкин М.Л. СССР и шведский нейтралитет. 1945 г. — середина 1950-х гг. // Россия в мире: образы и грани взаимодействия: Сборник статей. М.: Весь мир, 2019. С. 338–380.

21. Корунова Е.В. Конференции министров иностранных дел стран Северной Европы в 1930-е годы. Поиски гарантий безопасности // Северная Европа: проблемы истории. 2011. Вып. 7. С. 128–146.

22. Корунова Е.В. Ослабление позиций Германии на северном фланге европейской подсистемы // Вторая мировая война и трансформация международных отношений. От многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Манькина. М., 2020. С. 107–123.

23. Корунова Е.В. Проект создания Северного оборонительного союза: скандинавский ответ на кризис Версальско-Вашингтонской системы международных отношений // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. — XXI в.): Материалы IV Международной научно-практической конференции. Витебск, 2019. С. 90–94.

24. Корунова Е.В. Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны. В поисках формулы безопасности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 4 (58). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840001816-6-1/> (дата обращения: 17.11.2019). DOI: 10.18254/S0001816-6-1.

25. Корунова Е.В. Скандинавские экс-нейтралы после Первой мировой войны: место и роль в новой Версальско-Вашингтонской системе международных отношений // Итоги и последствия Первой мировой войны: взгляд через столетие. Воронеж, 2018. С. 170–179.

26. Мейнандер Х. Финляндия, 1944: война, общество, настроения. М.: Весь мир, 2014.

27. Носков А.М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М.: Наука, 1977.

28. Прусаков Ю.М. Нейтралитет в современном международном праве. М.: Знание, 1972.

29. Рупасов А.И. «Сползающая маска нейтральности». Советско-шведские отношения в конце 1940-х — начале 1950-х годов // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 157–180.

30. Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2014.

31. Тиунов О.И. Нейтралитет в международном праве. Пермь, 1968.

32. Чернышева О.В. Швеция в годы Второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение. М.: Наука, 1980.

33. Andreen P. De mörka åren. Perspektiv på svensk neutralitetspolitik våren 1940 — året 1942. Lund, 1972.

34. Andrén N. Maktbalans och alliansfrihet: svensk utrikespolitik under 1900-talet. Stockholm: Norstedts juridik, 1996.

35. Andrén N. Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967.

36. Andrén N., Landqvist Å. Svensk utrikespolitik efter 1945. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965.

37. Bring O. Neutralitetens uppgång och fall — Eller den gemensamma säkerhetens historia. Stockholm: Atlantis, 2008.

38. Carlgren W.M. Swedish foreign policy during the Second World War. London, Tonbridge: Ernest Benn, 1977.
39. Danmark, Norden og NATO 1948–1962 / Red. af C. Due-Nielsen, N. Petersen. København: Jurist — og Økonomforbundets Forlag, 1991.
40. Häikiö M. The race for the Northern Europe, September 1939 — June 1940 // Scandinavia during the Second World War / Ed. by H.S. Hissen. Oslo: Universitetsforlaget, 1983. S. 53–98.
41. Harrison D. Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander. Stockholm: Ordfront, 2017.
42. Haskel B.G. The Scandinavian option. Opportunities and opportunity costs in postwar Scandinavian foreign policies. Oslo: Universitetsforlaget, 1976.
43. Hirschfeldt L. Scandinavien och Atlantpakten. De skandinaviska alliansförhandlingarna 1948–1949. Stockholm: Utrikespolitiska Inst., 1949.
44. Holtsmark S.G. Norge og Sovietunionen — bilaterisering og fellestyre // NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år. Oslo: Den norske atlantehavskomiteé, 1999. Available at: <https://www.atlantehavskomiteen.no/files/dnak/Documents/Publikasjoner/Sven%20G.%20Holtsmark%20-%20Norge%20og%20Sovjetunionen%20-%20bilaterisering%20og%20fellesstyre.pdf> (accessed: 24.08.2020).
45. Karlsson R. Så stoppades tysktågen. Den tyska transiteringstrafiken i svensk politik 1942–1943. Stockholm: Allmänna Förlaget, 1974.
46. Karsh E. Neutrality and small states. New York: Routledge, 1988.
47. Komarov A. The Soviet view // Cold War views on Sweden / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg. Falun: Scandbook AB, 2018. P. 81–98.
48. Linder J. Svår neutralitet. Sverige under två sekel. Enskede: TPB, 2005.
49. Lindholm R. Sveriges neutralitet: Swedish neutrality. Lund: Juridiska Föreningen, 1987.
50. Lunde O. Hitler's pre-emptive war. The battle for Norway. Havertown: Casemate Publishing, 2009.
51. Manninen O. The Soviet plans for the North Western theatre of operations in 1939–1944. Helsinki: National Defense College, 2004.
52. Molin K., Olesen T.B. Security policy and domestic politics in Scandinavia 1948–49 // Independence versus integration. Denmark, Scandinavia and Western Europe, 1945–1960. Odense University Press, 1995. P. 62–81.
53. Neutrality: Its history, economics and law / Ed. by P.C. Jessup. Vol. IV. Today and tomorrow. New York: Columbia University Press, 1936.
54. Nøkleby B. Hitlers Norge: okkupasjonsmakten 1940–1945. Oslo: Cappelen Damm, 2016.
55. Noreen E. Brobygge eller blockbildning? De norska och svenska utrikesledningarnas säkerhetspolitiska föreställningar 1945–1948. Doctoral Thesis. Stockholm, 1994.
56. Noreen E. The Nordic balance: A security policy concept in theory and practice // Cooperation and conflict. 1983. Vol. 18. No. 1. P. 43–65.
57. Ottosson S. Den (o)moraliska neutraliteten: tre politikere och tre tidningars moraliska värdering av svensk utrikespolitik 1945–1952. Stockholm: Santérus, 2000.

58. Polvinen T., Kirby D.G., Herring P. *Between East and West: Finland in international politics. 1944–1947.* Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1986.
59. Rådehed J.-E. *Swedish forces to aid Norway? The Nordic security question 1948–1949.* Oslo: National Defense College Norway, Research Centre for Defense History, 1985.
60. Rentola K. *The Finnish view // Cold War views on Sweden / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg.* Falun: Scandbook AB, 2018. P. 33–43.
61. *Scandinavia during the Second World War / Ed. by H.S. Nissen.* Oslo: Universitetsforlaget, 1983.
62. Skodvin M. *Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og allianses-pørsmålet, 1947–1949.* Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
63. *Sverige inför en ny världsordning, 1945–50. Formativa år för svensk utrikespolitik? / Red. C. Silva, T. Jonter.* Stockholm: Stockholm Utrikespolitiska institutet, 1995.
64. Sönstebj G. *Oslogänget: norskt motstånd mot tysk ockupation.* Stockholm: Svenskt militärhistoriskt bibliotek, 2015.
65. Thulstrup Å. *Svensk utrikespolitik under andra världskriget.* Stockholm: Bonnier, 1950.
66. Wahlbäck K. *Försvarsförbundsförhandlingarna 1948–49 // Norden i sicksack. Tre spårbyten inom norskt samarbete.* Stockholm. 2000. P. 31–45.
67. Wahlbäck K. *Neutralitet och solidaritet: ett dilemma i svensk säkerhetspolitik 1920–1996.* Stockholm, 1997.
68. Zetterberg K. *Sweden in the shadow of Nazi Germany and Hitler 1939–1945.* London: Bloomsbury Academic, 2012.

E.V. Korunova

**NEUTRALITY OR INVOLVEMENT?
WORLD WAR II AND EVOLUTION
OF FOREIGN POLICY CONCEPTS
OF THE NORDIC COUNTRIES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the middle of the 20th century a unique subsystem of international relations emerged in the Northern Europe, which has turned it into one of the stablest and most peaceful regions during the Cold War period. Nowadays, rising international tensions bring new relevance to the history lessons of World War II, its origins and aftermaths. The paper examines the evolution of the Nordic countries' views on the issue of neutrality from mid-1930s to the end of 1940s. The first section considers the approaches of the Scandinavian countries to the establishment of a collective security system in the region in

the interwar period. In that regard, the paper focuses on the Swedish project of the Northern defense alliance, which was aimed at deepening military cooperation between the states of the region and strengthening their ability to jointly deter any aggression as the best way to guarantee their neutrality. However, this project had not been implemented, because it faced both cool reactions from the leaders of Norway and Denmark and suspicion from the leading powers. According to the author, the fundamental reason for the failure of that project was that Sweden, Norway, Denmark, and Finland sought support and protection from different, opposing great powers. The latter circumstance had also to a large extent predetermined the fate of the Scandinavian countries during the war years, when almost all of them were in one form or another involved in the conflict. The victory of the anti-Hitler coalition both opened new opportunities and posed new challenges for the states of the region: in the emerging bipolar world they rapidly turned into the subject matter of dispute of the superpowers. In these conditions, Sweden once again put forward the idea that in order to preserve peace in the region, the Nordic countries should be able to defend their neutrality and proposed the establishment of a Scandinavian Defense Union. In the final section, the paper examines the reaction to this project of the Scandinavian countries, the Soviet Union, the United States, and Great Britain. The author shows that although this reaction was more than restrained, and the project was not implemented, Sweden's initiatives contributed to the creation of a unique security architecture in Northern Europe, where each state of the region had its own role with the neutral Sweden serving as a balancing force.

Keywords: World War II, neutrality, the Nordic countries, Denmark, Sweden, Norway, Northern Defense Alliance, Scandinavian Defense Union, declaration of neutrality, defense, security.

About the author: *Evgeniya V. Korunova* — PhD (History), Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

REFERENCES

1. Baryshnikov V.N. 2016. K voprosu o vykhode Finlyandii iz Vtoroi mirovoi voyny: vizit finskoi pravitel'stvennoi delegatsii v Moskvu v marte 1944 goda I ego znachenie (po materialam arkhiva Ministerstva inostrannykh del Finlyandii) [Finland's withdrawal from World War II: The visit of the Finnish governmental delegation to Moscow in March 1944, and its importance (On the archival materials of the Ministry of Foreign Affairs of Finland)]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*, iss. 16, pp. 140–156. (In Russ.)
2. Baryshnikov V.N. 2015. K voprosu ob ob"ektivnosti vykhoda Finlyandii iz Vtoroi mirovoi voyny na storone Germanii v 1944 g.: ekonomicheskii aspekt

[The question of objectivity Finland's withdrawal on the side of Germany from the Second World War in 1944: The economic aspect]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy*, no. 16, pp. 73–87. (In Russ.)

3. Baryshnikov V.N. 2000. O popytke sozdaniya v nachale 1940 g. troistvennogo oboronitel'nogo soyuza severnykh stran [On the attempt to create a tripartite defense alliance of the Northern countries in the beginning of 1940]. *Vestnik SPbGU*, ser. 2, iss. 2, pp. 18–29. (In Russ.)

4. Baryshnikov N.I. 2006. Povорот v politike Finlyandii v otnoshenii SSSR v 1944–1948 gg. [A turnaround in the Finland's policy towards the Soviet Union in 1944–1948]. *Skandinavskie chteniya 2004 goda*. Saint Petersburg, Kunstskamera Publ., pp. 172–175. (In Russ.)

5. Baryshnikov N.I., Baryshnikov V.N., Fedorov V.G. 1989. *Finlyandiya vo Vtoroi mirovoi voine* [Finland in the Second World War]. Leningrad, Lenizdat Publ. (In Russ.)

6. Ishchenko V.V. (ed.). 2020. *Bitva za Sever. 1944–1945* [Battle for the North. 1944–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

7. Verigin S.G. 2016. Sovetsko-finlyandskie diskussii po voprosu demarkatsii granitsy po Moskovskomu mirnomu dogovoru 12 marta 1940 g. [Soviet-Finnish discussions on the question of demarcation of the border under the Peace Treaty of March 12, 1940]. *Trudy kafedry istorii novogo i noveishego vremeni*, no. 16, pp. 130–139. (In Russ.)

8. Vekhvilayinen O. 1999. Mir ili peremirie? [Peace or armistice?]. In *Zimnyaya voina 1939–1940. Kniga pervaya. Politicheskaya istoriya* [The Winter war, 1939–1940. Book one. Political history]. Moscow, Nauka Publ., pp. 362–374. (In Russ.)

9. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the transformation of international relations: From multipolarity to a bipolar world]. Moscow, Moscow University Press Publ. (In Russ.)

10. Ganyushkin B.V. 1958. *Sovremenniy neitralitet* [Contemporary neutrality]. Moscow. (In Russ.)

11. Komarov A.A. (ed.). 2020. *Zapolyar'e 1944–1945: Voyna, povsednevnost', pamyat'* [The circumpolar North 1944–1945: War, everyday life, memory]. Moscow. (In Russ.)

12. Zaretskaya O.V. 2008. *Regionalizm vo vneshnei politike Norvegii i Shvetsii (1945–2000 gg.)* [Regionalism in foreign policy of Norway and Sweden (1945–2000)]. PhD Thesis. Arkhangelsk. (In Russ.)

13. Zaretskaya O.V. 2005. Sozdanie Severnogo oboronitel'nogo soyuza: norvezhskaya i shvedskaya politiki v kontse 40-kh godov XX veka [The creation of the Northern defense alliance: Norwegian and Swedish policies in the end of the 1940s]. *Skandinavskie chteniya 2005 goda*. Saint Petersburg, pp. 81–87. (In Russ.)

14. Kudrina Yu.V., Roginskii V.V. (eds.). 1998. *Istoriya Danii* [A history of Denmark]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

15. Ken O.N., Rupasov A.I., Samuel'son L. 2005. *Shvetsiya v politike Moskvy 1930–1950-e gg.* [Sweden in the policy of Moscow, 1930–1950s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

16. Komarov A.A. 1999. Okonchanie Vtoroi mirovoi voiny i sovetskie interesy v Finlyandii i Norvegii (1944–1947) [The end of the Second World War and the Soviet interests in Finland and Norway (1944–1947)]. *Severnaya Evropa i Norvegiya: problemy istorii*, iss. 3., pp. 220–232. (In Russ.)

17. Komarov A.A. 2011. Severnaya Norvegiya v sovetskoj vneshnei politike [Northern Norway in the Soviet foreign policy]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 7, pp. 196–206. (In Russ.)

18. Komarov A.A. 2009. Sovetsko-finlyandskie otnosheniya v 1944–1948 gg. [The Soviet-Finland relations, 1944–1948]. In *Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire: 1809–2009. Materialy Mezhdunarodnoi rossiisko-finlyandskoj nauchnoi konferentsii* [Russia and Finland in a multipolar world (1809–2009). Proceedings of the Russian-Finland academic conference]. Petrozavodsk, pp. 70–81. (In Russ.)

19. Komarov A.A. 2003. SSSR i Skandinavskii oboronitel'nyi soyuz (1948–1949) [The Soviet Union and The Scandinavian defense union (1948–1949)]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 4, pp. 90–105. (In Russ.)

20. Komarov A.A., Korobochkin M.L. 2019. SSSR i shvedskii neitralitet. 1945 g. — seredina 1950-kh gg. [The Soviet Union and the Swedish neutrality. 1945 — mid 1950s]. In *Rossiya v mire: obrazy i grani vzaimodeistviya. Sbornik statei* [Russia in the world: images and lines of interaction. Collection of research articles]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 338–380. (In Russ.)

21. Korunova E.V. 2011. Konferentsii ministrov inostrannykh del stran Severnoi Evropy v 1930-e gody. Poiski garantii bezopasnosti [Conferences of Foreign Ministers of the Nordic states in the 1930s. In search of security assurances]. *Severnaya Evropa: problemy istorii*, iss. 7, pp. 128–146. (In Russ.)

22. Korunova E.V. 2020. Oslablenie pozitsii Germanii na severnom flange evropejskoi podsistemy [Weakening of Germany's positions in the Northern flank of the European subsystem]. In Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2020. *Vtoraya mirovaya voyna i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the transformation of international relations: From multipolarity to a bipolar world]. Moscow, Moscow University Press Publ., pp. 107–123. (In Russ.)

23. Korunova E.V. 2019. Proekt sozdaniya Severnogo oboronitel'nogo soyuza: skandinavskii otvet na krizis Versal'sko-Vashingtonskoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii [The Northern defense alliance project: The Scandinavian response to the crisis of the Versailles-Washington system of international relations]. In *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i diplomatii (1918 g. — XXI v.): Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Current issues of international relations and diplomacy (1918 — 21st century). Proceedings of IV international academic and practical conference]. Vitebsk, pp. 90–94. (In Russ.)

24. Korunova E.V. 2017. Skandinavskie strany nakanune i v pervye gody Vtoroi mirovoi voyny. V poiskakh formuly bezopasnosti [Nordic countries on the eve and in the first years of the Second World War. In search of a safety formula]. *Istoriya*, vol. 8, iss. 4 (58). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001816-6-1/> (accessed: 17.11.2019). DOI: 10.18254/S0001816-6-1. (In Russ.)
25. Korunova E.V. 2018. Skandinavskie eks-neitraly posle Pervoi mirovoi voyny: mesto i rol' v novoi Versal'skogo-Vashingtonskoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [The Nordic ex-neutrals after the First World War: Place and role in the new Versailles-Washington system of international relations]. In *Itogi i posledstviya Pervoi mirovoi voyny* [The outcomes and consequences of the First World War]. Voronezh, pp. 170–179. (In Russ.)
26. Meinander H. 2009. *Finland 1944: krig, samhälle, känslolandskap*. Stockholm, Atlantis [Russ. ed.: Meinander Kh. 2014. *Finlyandiya, 1944: voina, obshchestvo, nastroeniya*. Moscow, Ves' mir Publ.]
27. Noskov A.M. 1977. *Skandinavskii platsdarm vo Vtoroi mirovoi voine* [The Nordic staging ground in the Second World War]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
28. Prusakov Yu.M. 1972. *Neitralitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Neutrality in contemporary international law]. Moscow, Znanie Publ. (In Russ.)
29. Rupasov A.I. 2014. 'Spolzayushchaya maska neutral'nosti'. Sovetskoshvedskie otnosheniya v kontse 1940-kh — nachale 1950-kh godov ['The mask of neutrality slips away'. Soviet-Swedish relations in the late 1940s — early 1950s]. *Noveishaya istoriya Rossii*, no. 1, pp. 157–180. (In Russ.)
30. Rupasov A.I., Samuel'son L. 2014. *Sovetsko-shvedskie otnosheniya: vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1960-kh gg.* [The Soviet-Swedish relations: The second half of 1940s — beginning of 1960s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
31. Tiunov O.I. 1968. *Neitralitet v mezhdunarodnom prave* [Neutrality in the international law]. Perm'. (In Russ.)
32. Chernysheva O.V. 1980. *Shvetsiya v gody Vtoroi mirovoi voyny. Ekonomika, politika, rabochee dvizhenie* [Sweden during the Second World War. Economy, politics, labor movement]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
33. Andreen P. 1972. *De mörka åren. Perspektiv på svensk neutralitetspolitik våren 1940 — nyåret 1942*. Lund.
34. Andrén N. 1996. *Maktbalans och alliansfrihet: svensk utrikespolitik under 1900-talet*. Stockholm, Norstedts juridik.
35. Andrén N. 1967. *Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.
36. Andrén N., Landqvist Å. 1965. *Svensk utrikespolitik efter 1945*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.
37. Bring O. 2008. *Neutralitetens uppgång och fall — Eller den gemensamma säkerhetens historia*. Stockholm, Atlantis.
38. Carlgren W.M. 1977. *Swedish foreign policy during the Second World War*. London, Tonbridge, Ernest Benn.
39. Due-Nielsen C., Petersen N. (eds.). 1991. *Danmark, Norden og NATO 1948–1962*. København, Jurist — og Økonomforbundets Forlag.

40. Häikiö M. 1983. The race for the Northern Europe, September 1939 — June 1940. In Hissen H.S. (ed.). *Scandinavia during the Second World War*. Oslo, Universitetsforlaget. S. 53–98.
41. Harrison D. 2017. *Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander*. Stockholm, Ordfront.
42. Haskel B.G. 1976. *The Scandinavian option. Opportunities and opportunity costs in postwar Scandinavian foreign policies*. Oslo, Universitetsforlaget.
43. Hirschfeldt L. 1949. *Scandinavien och Atlantpakten. De skandinaviska alliansförhandlingarna 1948–1949*. Stockholm, Utrikespolitiska Inst.
44. Holtsmark S.G. 1999. Norge og Sovietunionen — bilaterisering og fellestyre. In *NATO 50 år. Norsk sikkerhetspolitikk med NATO gjennom 50 år*. Oslo, Den norske atlantterhavskomité. Available at: <https://www.atlantterhavskomiteen.no/files/dnak/Documents/Publikasjoner/Sven%20G.%20Holtsmark%20-%20Norge%20og%20Sovjetunionen%20-%20bilaterisering%20og%20fellesstyre.pdf> (accessed: 24.08.2020).
45. Karlsson R. 1974. *Så stoppades tysktågen. Den tyska transiteringstrafiken i svensk politik 1942–1943*. Stockholm, Allmänna Förlaget.
46. Karsh E. 1988. *Neutrality and small states*. New York, Routledge.
47. Komarov A. 2018. The Soviet view. In Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Falun, Scandbook AB. P. 81–98.
48. Linder J. 2005. *Svär neutralitet. Sverige under två sekel*. Enskede, TPB.
49. Lindholm R. 1987. *Sveriges neutralitet: Swedish neutrality*. Lund, Juridiska Föreningen.
50. Lunde O. 2009. *Hitler's pre-emptive war. The battle for Norway*. Havertown, Casemate Publishing.
51. Manninen O. 2004. *The Soviet plans for the North Western theatre of operations in 1939–1944*. Helsinki, National Defense College.
52. Molin K., Olesen T.B. 1995. Security policy and domestic politics in Scandinavia 1948–49. In *Independence versus integration. Denmark, Scandinavia and Western Europe, 1945–1960*. Odense University Press, pp. 62–81.
53. Jessup P.C. (ed.). 1936. *Neutrality: Its history, economics and law. Vol. IV. Today and tomorrow*. New York, Columbia University Press.
54. Nøkleby B. 2016. *Hitlers Norge: okkupasjonsmakten 1940–1945*. Oslo, Cappelen Damm.
55. Noreen E. 1994. *Brobygge eller blockbildning? De norska och svenska utrikesledningarnas säkerhetspolitiska föreställningar 1945–1948*. Doctoral Thesis. Stockholm.
56. Noreen E. 1983. The Nordic balance: A security policy concept in theory and practice. *Cooperation and conflict*, vol. 18, no. 1, pp. 43–65.
57. Ottosson S. 2000. *Den (o)moraliska neutraliteten: tre politikere och tre tidningars moraliska värdering av svensk utrikespolitik 1945–1952*. Stockholm, Santérus.
58. Polvinen T., Kirby D.G., Herring P. 1986. *Between East and West: Finland in international politics. 1944–1947*. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö.

59. Rådehed J.-E. 1985. *Swedish forces to aid Norway? The Nordic security question 1948–1949*. Oslo, National Defense College Norway, Research Centre for Defense History.
60. Rentola K. 2018. The Finnish view. In Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Falun, Scandbook AB. P. 33–43.
61. Nissen H.S. (ed.). 1983. *Scandinavia during the Second World War*. Oslo, Universitetsforlaget.
62. Skodvin M. 1971. *Norden eller NATO? Utenriksdepartementet og alliansespørsmålet, 1947–1949*. Oslo, Universitetsforlaget.
63. Silva C., Jonter T. (eds.). 1995. *Sverige inför en ny världsordning, 1945–50. Formativa år för svensk utrikespolitik?* Stockholm, Stockholm Utrikespolitiska institutet.
64. Sönstebj G. 2015. *Oslogänget: norskt motstånd mot tysk ockupation*. Stockholm, Svenskt militärhistoriskt bibliotek.
65. Thulstrup Å. 1950. *Svensk utrikespolitik under andra världskriget*. Stockholm, Bonnier.
66. Wahlbäck K. 2000. Försvarsförbundsförhandlingarna 1948–49. In *Norden i sicksack. Tre spårbyten inom norskt samarbete*. Stockholm, pp. 31–45.
67. Wahlbäck K. 1997. *Neutralitet och solidaritet: ett dilemma i svensk säkerhetspolitik 1920–1996*. Stockholm.
68. Zetterberg K. 2012. *Sweden in the shadow of Nazi Germany and Hitler 1939–1945*. London, Bloomsbury Academic.